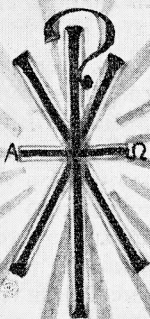
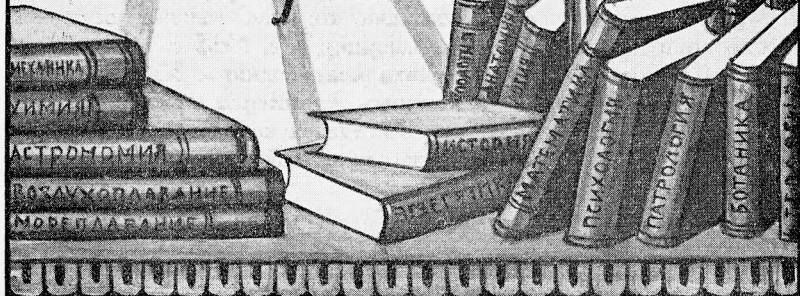

Религия философия

Наука

Доктор А. Каррель

№ 3

О молитве

Проф. Жан Ладриер

**Как научная деятельность
включается в христианскую
жизнь**

В этом номере мы печатаем два свидетельства верующих мирян: размышления «О молитве» доктора А. Карреля и статью Жана Ладриера «Как научная деятельность включается в христианскую жизнь».

Скажем несколько слов о каждом из них. Доктор Алексей Каррель (1873-1944) — француз, блестяще окончивший медицинский факультет и ставший профессором анатомии в Лионском Университете. В молодости он потерял веру, а в 1903 г., в качестве врача сопровождаая поезд с больными в Лурд, удостоверился в действительности чуда происшедшего на его глазах с одной из тяжело-больных находившихся в этом поезде. С этого времени начинается его сближение с католической Церковью, к которой он впоследствии присоединился. В 1904 г. Каррель был назначен директором лаборатории экспериментальной хирургии Рокфеллеровского Института медицинских исследований. Там он сделал целый ряд открытий в области жизни клеток и лечения тканей путем прививок.

В 1912 г. он получил Нобелевскую премию. В время войны 1914-1918 гг. он заведовал в Компьене госпиталем основанным Рокфеллером, где, благодаря применению прививок и открытого им антисептического состава, он спас тысячи раненых. После войны он вернулся в Америку, а в 1935 г. издал свой большой труд: «Человек — это неизвестное». Каррель привлек к сотрудничеству полковника Линдберга по изысканиям предпринятым на острове св. Гильды и основал в 1941 году Институт антропологических исследований. Он умер в Париже в 1944 году.

Жан Ладриер — философ и математик. Родился в городе Нивель (в Бельгии), в 1921 г. Изучал философию и математику в Лувенском и Парижском Университетах. С 1952 г. начал читать лекции в Лувенском Университете главным образом по философии наук. Занимается переводом и изданием на французском языке трудов философов и ученых — Ясперса, Генцена, Шредингера. Печатает статьи в различных философских и научных журналах. Статья, печатаемая нами ниже, появилась впервые в журнале «Лумен вите» в 1960 г.

О МОЛИТВЕ

ВВЕДЕНИЕ

Автор этих строк не богослов и не философ. Он выражается общедоступным языком и употребляет слова в их общепринятом смысле; иногда в их научном значении. Он ждет от богословов того же самого снисхождения, которое он проявил бы по отношению к ним, если бы им пришлось развивать тему, относящуюся к физиологии.

Настоящий очерк о молитве является весьма краткой сводкой неисчислимого количества наблюдений, собранных на долгом жизненном пути, благодаря общению с людьми самых разнообразных категорий: с людьми Запада и с людьми Востока, с больными и со здоровыми, со священниками, монахами и монахинями, с пасторами разных деноминаций, с раввинами, с врачами и сестрами милосердия, с мужчинами и женщинами, принадлежащими ко всем профессиям и ко всем сословиям. Помимо того, опыт приобретенный автором в качестве хирурга, врача и физиолога, а также проведенные им в течение многих лет лабораторные труды, посвященные возрождению тканей и заживлению ран, позволили ему оценить, по их подлинному достоинству, некоторые целительные свойства молитвы. Автор говорит только о фактах им самим проверенных или сообщенных ему людьми способными на объективное и точное наблюдение. Во многих случаях он предпочитал быть неполным, чем приводить недостаточно проверенные факты. И, прежде всего, он постоянно старался оставаться на твердой основе действительности.

Говорить современным людям о молитве кажется, на первый взгляд, бесполезным усилием. Но, между тем, не необходимо ли нам ознакомиться со всеми видами деятельности, на которые мы способны? Ведь мы не можем оставить ни одну из них без применения, чтобы не подвергнуть серьезной опасности и себя самих и наших потомков; а атрофия восприимчивости к священному и нравственному не менее зловредна, чем атрофия ума. Итак, настоящие строки обращены ко всем, к неверующим и к верующим, ибо и на тех и на других жизнь налагает те же основные обязанности, от всех нас она требует, чтобы мы вели себя так, как того требует наша физическая и психическая структура. Вот почему никто не должен игнорировать самые глубокие и тонкие потребности нашей природы.

I

Нам, людям Запада, разум кажется на много выше интуиции, и мы отдаем явное предпочтение уму над чувством. У нас наука светит ярким светом, а религия как бы гаснет. Мы следуем Декарту и пренебрегаем Паскалем.

Поэтому мы в первую очередь стремимся к развитию своего ума; другие проявления духа, как-то моральное чувство, чувство красоты и, главное, чувство священного, — мы отодвигаем на задний план. Атрофия этих основных функций духа превращает современного человека в существо духовно слепое; эта немощь не позволяет ему быть полноценным составным элементом общества. В итоге, распад нашей цивилизации надо приписать низкому качеству личности.

На деле „духовное“ не меньше нужно для полноценной жизни чем „умственное“ и „материальное“. Отсюда следует неотложная необходимость воскресить в нас самих духовную деятельность, которая гораздо больше, чем ум, создает силу личности. Наименее же известное ее проявление это — чувство священного: иначе говоря, религиозное чувство.

Это особое чувство выражается, главным образом, молитвой. Молитва, как и самое чувство священного, есть без всякого сомнения явление духовное; а духовный мир находится вне пределов досягаемости наших технических возможностей. Как же приобрести серьезное познание молитвы? К счастью, область науки охватывает все, что доступно наблюдению, стало быть она может, через физиологию, простираться и до проявлений духовного мира. Поэтому, систематически наблюдая молящегося человека, мы можем узнать, в чем состоит явление молитвы, как она совершается и каковы ее последствия.

II

По существу, молитва представляется как тяготение духа к нематериальной основе мира. Обычно она выражает жалобу или тревогу или мольбу о помощи. Порою она становится умиротворенным созерцанием имманентного и трансцендентного начала всего существующего. Можно еще определить молитву как возношение души к Богу, выражение любви и поклонения Тому, от Кого исходит чудо именуемое жизнью.

Молитва представляет собой усилие человека войти в общение с невидимым Создателем всего, что существует, с высшей Мудростью, Силою и Красотою, Отцом и Спасителем каж-

дого из нас. Подлинная молитва отнюдь не заключается в простом произнесении формул. Она представляет собою мистическое состояние, в котором сознание поглощается Богом. Это состояние не умственного характера, и потому он остается недостижимым и непонятым для философов и для ученых. Так же как чувство красоты и как любовь, оно не требует никакого книжного знания. Простые люди способны ощущать Бога так же естественно как теплоту солнца или аромат цветов. Но этот Бог, столь доступный для тех, кто умеет любить, скрывается от тех, кто живет только рассудком. Мысль и слова оказываются недостаточными, когда мы пытаемся описать Его. И вот почему молитва находит свое наивысшее выражение в полете любви через темную ночь рассудка.

III

Как следует молиться? Технике молитвы мы научились у христианских мистиков от святого Павла до святого Бенедикта и до сонма безымянных подвижников, которые на протяжении двадцати веков приобщали народы Запада к религиозной жизни. Бог Платона был недоступен в своем величии. Бог Эпиктета сливался с душой вещей. Ягве представлялся иудеям в образе восточного деспота, внушающего не любовь, а страх и трепет. Христианство же сделало Бога доступным человечеству. Оно дало Ему лик. Оно представило Его как нашего Отца, Брата и Спасителя. После пришествия Христа нет больше надобности в сложном церемониале и в кровавых жертвоприношениях, чтобы достичь Бога. Молитва стала легкой и техника молитвы — простой.

Чтобы плодотворно молиться, надо только сделать усилие, чтобы обратиться к Богу. Однако же, это усилие должно быть не умственным, а сердечным. Например, размышление о величии Бога не есть молитва, если оно не является в то же самое время выражением любви и веры. Таково молитвенное состояние согласно методу св. Иоанна дэ-ла-Саль: оно начинается сосредоточением ума, но тотчас же переходит в область чувства. Независимо от того, кратка ли молитва или продолжительна, исходит ли она из уст или только из сознания, она должна быть подобной беседе ребенка со своим отцом. „Мы приходим такими, каковы мы в действительности” сказала однажды сестра ордена св. Викентия, которая уже 30 лет посвящает свою жизнь жертвенному служению беднякам. Словом, молятся так же, как любят: всем существом.

Существуют всевозможные формы молитвы: от обращен-

ного к Богу краткого возгласа до глубокого созерцания: от простых слов крестьянки перед Распятием на перекрестке до великолепия григорианского пения под сводами кафедрального собора. Торжественность, величие и красота отнюдь не необходимы для действенности молитвы. Весьма мало людей умеет молиться так, как молился святой Иоанн имени Креста или святой Бернард Клервоский, но нет необходимости быть красноречивым, чтобы молитва была услышана. Когда судишь о ценности молитвы по ее результатам, то приходишь к заключению, что самые скромные слова мольбы или хвалы столь же угодны Владыке мира, как и великолепно составленные призывы. Молитвенные формулы, хотя бы и машинально произносимые, тоже являются в некоторой степени молитвой, поскольку в основе их лежит искреннее намерение обратиться к Богу. Они подобны зажженной свече: достаточно, чтобы эти инертные формулы и этот физический свет символизировали искренний порыв человеческого существа к Всевышнему. Действие тоже может быть молитвой: так, например, Людовик Гонзагский говорил, что выполнение долга равносильно молитве. Не подлежит сомнению, что лучший способ общаться с Богом, это — всецело исполнять Его волю: „Отче наш... да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя...” А исполнять волю Божию значит, очевидно, подчиняться законам жизни, запечатленным в нашей плоти и крови, и в нашем духе.

Молитвы, словно духовные испарения восходящие от земли, так же разнообразны, как отличаются друг от друга личности молящихся; но все они — вариации на две темы: горесть и любовь. Совершенно законно взывать к Богу о помощи, чтобы получить то, в чем мы нуждаемся. Тем не менее, было бы нелепо молить Бога об исполнении какого-нибудь каприза или о том, что мы можем приобрести собственными усилиями, благодаря возможностям, дарованным нам Провидением. Докучливая, настойчивая, „агрессивная” молитва увенчивается успехом. Слепой, сидевший при дороге, взывал изо всех сил об исцелении и проходивший мимо Иисус сказал: „Вера твоя спасла тебя.” Однако же, в своем высшем выражении, молитва перестает быть прошением и превращается в созерцание Господа Бога: человек выражает Властителю мира свою любовь, свою благодарность за Его дары, свою готовность исполнять Его волю, какова бы она ни была. Старый крестьянин одиноко сидел на задней скамье в совсем опустевшей церкви. — „Чего ты ждешь?” — спросил его проходивший церковный сторож. Тот ответил: „Я на него смотрю, а Он — на меня.” Всякий метод оценивается по его результатам. И любой способ молитвы хорош, если он ставит человека в соприкосновение с Богом.

IV

Где и как молиться? Молиться можно повсюду. На улице, в автомобиле, в конторе, в школе, на заводе. Но легче молиться в лесу, в поле, в горах или в уединении своей комнаты. Особое значение имеют литургические молитвы, возносимые в церквях. Однако, каково бы ни было место молитвы, Бог открывается в ней человеку только в том случае, если тот сначала внутренне умиротворил себя. А внутреннее спокойствие, в свою очередь, зависит как от нашего органического и умственного состояния, так и от среды, в которой мы находимся в данный момент.

Мир тела и духа трудно достигим для человека в суматохе, шуме и рассеянности современных городов. В наше время, больше чем когда-либо, нужны места, особо предназначенные для молитвы, как-то церкви и часовни, где жители городов могут найти, хотя бы на краткий срок, те физические и психологические условия, которые необходимы для внутреннего спокойствия. Было бы не трудно и стоило бы не дорого создать в самой гуще шумных городов такие убежища мира, которые отвечали бы требованиям уюта и эстетики. В тишине этих убежищ, люди могли бы давать отдых своим мускулам, органам и уму: тогда их суждения прояснились бы и они получали бы силу, необходимую чтобы выносить тягости жизни, которыми обременяет их современная цивилизация.

По мере того, как молитва превращается в привычку, она влияет на наш характер. Следовательно, нужно молиться часто: „Думай о Боге чаще, чем ты дышишь“ говорил Эпиктет. Неразумно молиться только по утрам, а весь день проводить поварварски. Даже короткие мысли и призывы, обращенные к Богу, достаточны, чтобы человек оставался в присутствии Божиим. Тогда все его поведение постепенно проникается молитвою. Такая молитва становится жизнью особого рода.

V

Если только молитва творится в надлежащих условиях, она всегда приносит плоды. Эмерсон писал: „Нет и не было человека, который, молясь, не научился бы чему-нибудь...“ Однако, современные люди слишком часто смотрят на молитву, как на устаревший обычай, пустой предрассудок, пережиток варварства. Правду сказать, мы почти совсем незнакомы с ее действием.

Каковы же причины нашего невежества? Во-первых, молитва стала относительно редким явлением. У людей цивилизованных чувство священного теряется все более. Во Франции, например, по всей вероятности только 4 или 5 процентов населения имеют обыкновение молиться. Во-вторых, часто молитва бывает бесплодной потому что большинство молящихся в действительности — эгоисты, лжецы, гордецы, фарисеи, ставшие неспособными подлинно верить и подлинно любить. В-третьих, когда молитва приносит плоды, мы их очень часто не видим. Ответ на наши молитвенные прошения и на нашу любовь дается, обычно, медленно, едва ощутимо, почти неслышно. Голос, шепчущий нам ответ в глубине нас, легко заглушается внешним шумом. Материальные результаты молитвы также бывают неясными, ибо они обыкновенно сплетаются с явлениями другого порядка. Вследствие этого мало людей, даже среди священников, имеют возможность точно наблюдать их. Что же касается врачей, то, по отсутствию интереса, они зачастую пропускают, не изучив их, те случаи, которые доступны их науке. К тому же наблюдатели часто бывают смущены тем, что ответ на молитву далеко не всегда соответствует высказанной в ней просьбе. Например, больной просил об исцелении от органической болезни, но он не выздоравливает, а зато с ним происходит глубокое и необъяснимое нравственное преобразование.

Все же, привычка молиться, хотя она и является ныне редкостью в широких кругах общества, сохраняется сравнительно часто среди групп, оставшихся верными религии предков. В этих группах можно еще в наше время изучать действие молитвы. Среди бесчисленных ее последствий, врач в особенности имеет возможность наблюдать те, которые называются психо-физиологическими и целительными.

VI

Молитва действует на дух и на тело, в зависимости, повидимому, от ее качества, ее напряженности и от того, как часто человек молится. Не трудно определить частоту молитвы и даже, в некоторой степени, ее напряженность. Но ее качество остается неизвестным, ибо мы не располагаем средствами, чтобы измерить глубину веры и любви в другом человеке. Однако образ жизни молящегося может дать нам указания на качество его обращений к Богу. Даже когда молитва слаба и состоит главным образом из машинального повторения фраз, она оказывает влияние на поведение, ибо она усиливает в человеке и чувство священного

и нравственное чувство. Несомненно, та среда, в которой люди продолжают молиться, отличается некоторой устойчивостью чувства долга и ответственности, меньшей долей зависти и злобы и известным благорасположением к другим. Можно считать доказанным, что, при равенстве интеллектуального развития, характер и нравственная ценность стоят на более высоком уровне у тех, кто молится, даже если их молитва слабого качества, чем у тех, кто не молится вовсе. Когда молитва обычна и действительно горяча, ее влияние становится вполне ясным. Его можно отдаленно сравнить с влиянием желез внутренней секреции — щитовидной или надпочечной: оно заключается в некоем психологическом и органическом преобразовании. Это изменение происходит постепенно. Точно огонек зажигается в глубине сознания. Человек видит тогда себя таким, какой он есть. Он открывает свой эгоизм, свою алчность, свои ошибки суждения, свою гордыню. Он приучается выполнять свой нравственный долг. Он пытается приобрести умственную скромность. И таким образом перед ним открывается царство благодати... мало-помалу в человеке происходит внутреннее умиротворение, устанавливается гармония нервных и моральных реакций, появляется большая выносливость по отношению к бедности, клевете, всевозможным заботам, способность не падать духом при потере любимых людей, при болезнях, горе и смерти. И вот почему, когда врач видит, что его пациент начинает молиться, он имеет основание радоваться: спокойствие, создаваемое молитвой, мощно помогает лечению.

Однако, молитва не может быть приравнена к морфию. Помимо приносимого ею спокойствия, она еще устанавливает гармонию душевных движений и вызывает своего рода расцвет личности... порою, вплоть до героизма. На тех, кто молится часто, молитва налагает свой особый отпечаток. Чистота взора, спокойствие, светлая радость, мужественность поведения и когда это необходимо — безропотное принятие смерти солдатом или мучеником свидетельствуют о сокровище сокрытом в самой глубине человеческого организма и духа. Под влиянием молитвы даже люди необразованные, мало развитые и слабые оказываются способными лучше применять свои нравственные и интеллектуальные силы. Создается впечатление, что молитва как то возносит людей над тем умственным уровнем, на который их поставили наследственность и недочеты воспитания. Это соприкосновение с Богом пронизывает людей миром. Они тогда излучают этот мир и несут его с собой повсюду, куда идут. К сожалению, в нынешние времена, весьма мало людей умеют молиться действенным образом.

Во все времена целительные свойства молитвы больше всего привлекали к ней внимание людей. И теперь еще в той среде, где молитва обычна, довольно часто говорится об исцелениях, полученных благодаря молитвенному обращению к Богу или к Его святым. Но когда дело идет о болезнях, которые могут пройти сами собой или поддаются излечению обычными медицинскими средствами, не легко определить, что именно было подлинной причиной выздоровления больного. Результаты молитвы могут быть установлены с несомненностью только в тех случаях, когда всякая терапия совершенно неприменима или оказалась недейственной. Медицинский центр в Лурде оказал существенную услугу науке, доказав, что такие исцеления действительно бывают. Иногда действие молитвы принимает, если можно так выразиться, взрывчатый характер. Мы знали больных, которые были почти молниеносно излечены от тяжелых заболеваний: волчанкой, язвами, легочным или костным туберкулезом, инфекцией почек, раком. В таких случаях исцеление происходит почти всегда одинаково: сначала — резкая боль, затем ощущение выздоровления. В несколько секунд или несколько часов симптомы болезни исчезают, а анатомические повреждения исправляются. Чудо характеризуется чрезвычайным ускорением процессов нормального выздоровления. Никогда при иных условиях столь исключительное ускорение не наблюдалось до сих пор хирургами и физиологами в их научном опыте.

Для того, чтобы подобные явления происходили, не требуется даже, чтобы сам больной молился. Действительно, в Лурде исцелялись и маленькие дети, еще неспособные молиться, и люди неверующие. Но подле них кто-то молился; а молитва за другого всегда плодотворнее молитвы за самого себя. Действенность молитвы зависит, по всей видимости, от ее интенсивности и от ее качества. В Лурде чудеса совершаются теперь гораздо реже, чем в начале этого века, ибо больные уже не находят там той глубокой сосредоточенности, которая царила там прежде; большинство паломников превратилось, по существу, в туристов и их молитва бесплодна.

Таковы те результаты молитвы, которые мне достоверно известны; кроме них есть много других. Жизнь святых, даже современных, изобилует чудесными фактами. И не подлежит сомнению, что большая часть чудес приписанных, например, настоятелю прихода в захолустном французском городке Арсе — подлинны. Эта совокупность явлений вводит нас в иной мир, систематическое исследование которого еще даже не начато и несомненно готовит нам множество неожиданностей. Но и те-

перь уже мы знаем определенно, что молитва может производить осязаемое действие. И как бы это ни казалось нам изумительным, мы должны признать, что просящему дается и стучащемуся отворяют.

VIII

В общем, все происходит так, если бы Бог выслушивал человека и ему отвечал. Действие молитвы — не иллюзия. Нельзя сводить чувство священного к тревоге, испытываемой человеком перед окружающими его опасностями или перед таинственностью вселенной. Нельзя также видеть в молитве лишь некое успокаивающее снадобье, годное против нашей боязни страдания, болезни и смерти. Что же означает чувство священного? Какое место сама природа отводит для молитвы в нашей жизни? В действительности, это место очень значительно. Почти во все времена истории человечества люди молились. В древности град был, прежде всего, религиозной организацией. Римляне воздвигали всюду храмы. В средние века наши предки покрыли храмами всю Европу. И поныне над каждым селом возвышается церковная колокольня. Переселенцы из Европы установили в Новом Мире западную культуру путем создания в нем не только университетов и заводов, но и церквей. На протяжении всей нашей истории молиться было такой же основной потребностью, как развиваться, трудиться, строить и любить. На деле, чувство священного представляется исходящим из самой глубины нашего естества и одной из самых основных сторон нашей жизнедеятельности. Его различия в той или иной социальной группе почти всегда бывают связанными с особенностями других основных проявлений человеческой жизни — с характером, с моральным сознанием и нередко с чувством красоты. И вот этой-то столь важной части нас самих мы позволили атрофироваться и, порою, исчезнуть.

Надо помнить, что человеку опасно руководствоваться только своей фантазией. Чтобы преуспевать, жизнь должна вестись по неизменным правилам, исходящим из самой ее структуры. Мы подвергаемся серьезному риску, когда допускаем отрицание в нас какой-либо основной жизнедеятельности, будь она физиологического, умственного или духовного порядка. Например, недостаточное развитие мускулов, скелета и нерациональных способностей духа у иных интеллигентов так же губительно, как атрофия ума и морального чувства у некоторых атлетов. Имеется множество примеров того, как многодетные и сильные семьи, утратив верования предков и чувство чести, или

совсем угасли или стали производить одних выродков. Ценою тяжелого опыта мы узнали, что утрата морального чувства и чувства священного большинством активных элементов нации приводит ее к упадку и к порабощению иностранцами. Падению древней Греции предшествовало аналогичное явление. Совершенно очевидно, что атрофия духовных способностей, присущих нашей природе, несовместима с успехом жизни.

На практике, моральная и религиозная деятельность связаны одна с другой. Моральное чувство исчезает очень скоро после утраты чувства священного. Человек не оказался в состоянии построить систему морали, независящую ни от какого религиозного учения, как того желал Сократ. Общество, в котором теряется потребность в молитве, обычно близко к вырождению. И поэтому, все цивилизованные люди, как верующие, так и неверующие, должны озаботиться этим вопросом первостепенной важности: вопросом о развитии всех основных возможностей человеческого существа.

Почему же чувство священного играет столь важную роль в успешном развитии жизни? Каким путем молитва влияет на нас? Здесь мы покидаем область наблюдаемого и переходим в область гипотез. Но гипотезы, даже самые смелые, необходимы для продвижения знаний. Надо прежде всего вспомнить о том, что человек представляет собою неделимое целое, состоящее из тканей, органических жидкостей и сознания. Он воображает себя независимым от своей материальной среды, т.е. от космического мира, но в действительности он неотделим от него; он связан с этой средой своей постоянной потребностью в кислороде и продуктах питания, которые он получает от земли. С другой стороны, живое человеческое существо не исчерпывается совокупностью физических данных: оно состоит из духа как и из материи. И дух, хотя живет в наших органах, простирается за пределы четырех измерений пространства и времени. Учитывая все это, не позволительно ли думать, что мы одновременно живем и в космическом мире, и в среде неосязаемой, невидимой, невещественной, хотя по своей природе сродни сознанию и столь же необходимы нам, как материальный мир? Эту среду надо тогда считать тем бытием, которое имманентно всякому бытию и превосходит их всех, то есть тем, кого мы именуем Богом. Следовательно, чувство священного можно сравнить с нашей потребностью в кислороде. И тогда найти некоторую аналогию между молитвой и дыхательной функцией. С этой точки зрения молитву следует рассматривать как то действие, которое устанавливает естественные взаимоотношения между сознанием и присущей ему средой, как жизнедеятельность необ-

ходимую в силу самого строения нашего существа, то есть как нормальную функцию нашего тела и нашего духа.

IX

Подводя итог, скажем, что чувство священного приобретает исключительное значение по сравнению с другими видами духовной деятельности, ибо оно ставит нас в соприкосновение с таинственной неизмеримостью духовного мира. Именно через молитву человек направляется к Богу, и Бог проникает в него. Молитва оказывается необходимой для полноты нашего развития. Никак нельзя считать ее уделом обездоленных людей и слабоумных трусов. „Стыдно молиться“, заявлял Ницше. На деле же, молиться не более стыдно, чем питаться или дышать: человек нуждается в Боге не менее, чем в воде и в кислороде. Чувство священного, в соединении с интуицией, с нравственным чувством, с чувством красоты и со светом разума, дает личности возможность полного расцвета. Нет сомнения, что для успешного хода жизни требуется полное развитие всех сторон нашей жизнедеятельности: физиологической, умственной, сердечной и духовной. Дух одновременно — и разум, и чувство. Значит, нам надо любить и красоту науки, и красоту Божию. С таким же благоговением как к Декарту, нужно прислушиваться и к Паскалю.

КАК НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВКЛЮЧАЕТСЯ В ХРИСТИАНСКУЮ ЖИЗНЬ

НАУЧНОСТЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научное и религиозное мировоззрение могут казаться несовместимыми. Некоторые образованные люди полагают, что религиозную жизнь нельзя согласовать с научной деятельностью, потому что наука — замкнутая система, в которой нет места для религиозных взглядов. Если религия находится вне рамок научного метода, основанного на строго проверенных опытах и не нуждающегося в помощи религиозных верований, то — к чему эта религия? Если Бог необходим только вне границ научного мировоззрения, то Его можно временно «поставить в скобки», счесть вопрос о Боге второстепенным, сравнивая его серьезностью научной работы.

Содержание некоторых научных теорий кажется в противоречии с религиозными взглядами: во времена Галилея были богословы, не знавшие как сочетать его научную теорию с религиозным мировоззрением. Мы, верующие, знаем, что гелиоцентрическая система Галилея несколько не противоречит религиозным убеждениям. Но гармония между религиозными и научными взглядами не всегда бывает сразу очевидна. Иногда нужен период «дозревания» тех или иных взглядов. Тем временем неверующему может показаться, что верующие неискренны, что, жалея в глубине души о новом успехе науки, они просто стараются приспособиться к создавшемуся положению вещей, убедившись в том, что волей-неволей им необходимо уступить еще одну позицию.

В наше время возникает вопрос о происхождении человека: является ли он только частью природы или в нем заложена духовная мощь, отличная от космических сил. По мнению Паскаля расстояние между духом и телом бесконечно. Спрашивается — какво будет последнее слово науки? Согласуется ли оно с учением Церкви?

Наконец ставится вопрос о смысле науки: чем является она в конечном итоге? какво поле ее деятельности? ее метод? какво соотношение между научной деятельностью и человеческой жизнью вообще? можно ли сказать, что наука оперирует фактами, тогда как философия основывается на идеях, а религия — на слепой вере?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим, чем является наука по существу, каково ее отношение к философии и что представляет из себя научный метод. Во второй части этой статьи мы определим место науки в перспективе царствия Божия.

Содержание науки не исчерпывается фактами и явлениями. Говорят, что в основе науки лежат факты. На первый взгляд наука — не теория в греческом смысле слова, т. е. — не созерцание. Она реалистична, говорит о фактах, постоянно возвращается к действительности. Но если лучше присмотреться к научной деятельности, то станет очевидным, что факты сами по себе не представляют большого интереса (следует, конечно, различать радикальным образом науку от ее применений). Интересны не факты, а их объяснение. Чередование фактов инертно. Как отличить факты представляющие интерес с научной точки зрения? Нужно толкование фактов. Оно — другого порядка, чем сами факты. Наука необходима именно потому, что мы не ощущаем непосредственно доступную пониманию структуру вселенной. Она — не только простое собрание фактов, а вопрос заданный реальности под руководством разума. Наука продвигается благодаря гипотезам, а гипотеза есть творческая мысль. Цель науки — создать не каталог цифр, а систему. Чтобы осветить какой-либо предмет, надо поставить его в атмосферу света окружающую его со всех сторон. Это освещающее пространство носит в науке название научной теории. В строгом смысле слова наука не имеет права называться наукой покуда у нее нет теоретического обоснования. Оно как бы дает науке аттестат зрелости. В развитии научного знания теория иногда предшествует эксперименту. Координация теорий создает систему или «теорию» в греческом смысле слова.

Вполне основательно подчеркнуть «оперативный» т. е. подпадающий математическим исчислениям и укладывающийся в математические формулы характер современной науки. Хотя применение экспериментального метода играет главную роль в ее развитии, понятия, которыми выражаются приобретенные знания, носят оперативный, т. е. алгебраический характер.

Переход от теории к эксперименту, контролирующему теорию — и обратно — от эксперимента к теории носит название «праксис» — делание. Иными словами «праксис» — это действие направляемое мыслью или мысль открывающаяся в действии. Теория может вести к расчетам; они дают ей смысл, вносят в нее активный элемент и обратно — они вносят в действие, в технику, как напр. в освоение космоса, теоретический, созерцательный элемент. В математике надо не только достичь результатов, но показать, каким путем они были достигнуты.

Лучший метод для создания системы — это вывод. В нем абсолютный, своего рода принудительный характер. Если вы приняли А, то вы должны принять и Б. Можно только согласиться — при условии, что была понята необходимая связь между А и Б. В самих этих представлениях заключена — как говорили греки — «мощь семенной (развивающейся как семя) мысли».

Процесс постоянного развития тоже является характерным для науки. Она — не только совокупность знаний, а деятельность направленная к приобретению знаний и всегда опережающая уже приобретенные знания. Вот почему может быть правильнее говорить о научной деятельности, чем просто о науке. Деятельность эта никогда не доходит до конечных границ. Научная работа — терпеливое и трудное продвижение вперед как бы в полу-мраке. Никогда нельзя достичь уверенности в абсолютной правильности научных взглядов; необходим постоянный контроль. То, что казалось неопровержимым физикам XIX века, показало свою несостоятельность в XX веке. Приобретенные знания имеют относительный, а не абсолютный характер.

Хотя наука в первую очередь есть деятельность, эта деятельность является только осуществлением проекта созданного умом, ищущим не то, что надо «делать», а то, что надо «понять». При этом слово «понять» не должно восприниматься в психологическом смысле. Здесь речь не идет о том субъективном состоянии, в котором мы ясно видим, как сочетаются те или иные явления, как организуется данная область фактов. Факты только отправная точка, а явления — только предлог. Наука стремится оставить за собой область фактов и дойти до доступной пониманию системы, по отношению к которой эти факты являются только следами, только осязаемой проекцией.

«Понять» в строго научном смысле значит — перейти от области фактов в область системы; возвыситься до «теории» (созерцания); это, стало быть, непременно выйти из своего кругозора, из чисто психологического состояния своего «я», с тем, чтобы познать на опыте метапсихологическую реальность «логоса». Ибо существует научный логос, т. е. разумное научное рассуждение содержащее в себе внутренний свет; в нем мрак осязаемого мира, в котором мы вращаемся, уступает ясности чистых соотношений.

То, что мы осязаем, есть только знак; его надо расшифровать, как зашифрованное сообщение. Осязаемое — шифр реальности, содержащейся в самом осязаемом и в то же время находящейся вне его и являющейся его живой истиной. Конечная цель науки — создать научное мировоззрение, вне политиче-

ских разграничений, в котором логос мира будет освещен со всех сторон.

Речь научная и речь философская

Научный логос еще не вполне открыт; он открывается постепенно. Его существование остается, стало быть, частично проблематичным и условным; во всяком случае оно недоказуемо.

Но наука, в целом, основывается на веровании в его существование; все ее усилия направлены на проверку этого верования. Наука стремится узаконить это верование, на которое она опирается и этим самым как бы доказать себя самой себе.

Научная речь — не то, что философская речь; а между тем она на нее походит многими своими аспектами. Пожалуй, в конечном итоге, научная и философская речь составляют одну и ту же речь, но это единство речи, столь очевидное для эллинов, стало для нас очень таинственным и весьма трудно мыслимым.

Оставляя в стороне этот вопрос единства целостной речи, сосредоточимся на речи научной. Эта речь — не наша речь; она не является выражением такого представления о мире, которое находилось бы в нас. Она — речь вселенной и, как таковая, она анонимна и безлична, что и позволяет назвать ее универсальной.

В той мере в какой мы выражаем что-либо относительно научной речи, мы только признаем то, что нам предложено, разбираем отрывки предоставленного нам текста. Мир (т. е. совокупность того, что мы познаем опытом, что может быть даным нам, что может подействовать на нашу изначальную пассивность) превращается в речь посредством символов созданных человеком. Но эта речь отнюдь не ограничивается нашими символами. Она — истина мира, как бы его тайная душа, доступная пониманию материя; не образ или отблеск или проекция, а светящийся стержень, одновременно ключ к уразумению и онтологическая опора.

В широком смысле слова наука есть логос мира открывающийся в нас. Когда мы занимаемся научной деятельностью, мы становимся местом, где проявляется и слагается логос мира, где выражается система, в которой выявляется истина мира. Поскольку мир дается в непосредственном ощущении, он не выразитель, а только символ этой истины. Таким образом мы становимся причастными самой жизни логоса, включающей нас в движение своих внутренних соотношений и в необходимый процесс своего развития.

Содержание научной установки

Существование науки и необходимость продолжать научные исследования основывается на том, что логос мира продолжает быть сокровенным логосом. Он содержит в себе все необходимое, чтобы открыться в нас; но этот процесс едва только начался и от нас зависит продолжение или прекращение этого развития. Из этого следует, что у человека есть ответственность по отношению к миру. Участь мира частично находится в его руках. Удивительно и грандиозно то, что происходит в человеке: переход от «фюзис» (природы) к логосу. Человек может дать возможность истине и справедливости твориться в нем. Истина и справедливость — два основных стимула (онтологических горизонта) руководящих деятельностью человека.

Еще один элемент научной установки, определяющий его отношение к жизни, обозначается греческим словом — это «койнония» (общность, универсальность). У ученых создается чувство коллективной ответственности по отношению к человечеству. Чем больше люди будут заниматься научной деятельностью, тем яснее они будут открывать общечеловеческую связь, основанную на науке. Наука связует нас одной общей силой — силой логоса. Логос находит выражение в теориях созданных человеком. Следовательно человек несет ответственность в мире, если он рассматривает науку как миссию, как средство для завершения мира.

Разумеется, человек ничего не творит (в подлинном смысле этого слова), однако он совершает действия бесповоротно обязующие его и создающие структуры, которые иначе могли бы вылиться в иную форму. В этом смысле мы находимся перед своего рода творчеством, порученным человеку.

В нравственном порядке мы имеем здесь дело с созиданием подлинно человеческого мира, а в порядке мышления — с созиданием сферы логоса.

В известном смысле можно сказать, что все дано с самого начала. Но все дано во мраке. То, что дано, представляется как совокупность возможностей, весь смысл которых развиваться в меру являющуюся ничем иным как внутренним законом всемирного порядка.

На фон феноменального развития, (т. е. развития явлений) по плану которого распределяются, в их неистощимом множестве, виды предлагаемые нам видимым миром с его быстро меняющейся панорамой, проецируется развитие другого порядка, доступное только разуму; в этом развитии вырисовывается сочетание фигур, совокупность которых составляет прозрачное царство мысли.

Судьба мира может читаться в каждой из этих категорий развития, но вторая категория имеет, можно сказать, самую важную функцию — установление постижимого; это — как бы завершение и раскрытие смысла мира. В процессе мышления смутно воспринятое доходит до раскрытия своего содержания, непроницаемость земли переходит в кристальную прозрачность небес.

Наука именно и есть этот переход, благодаря которому мир природы находит завершение и апофеоз в мире логоса. Это означает, что в начале не только открылся горизонт различных возможностей, но и то, что в нем проявилось действие преобразующего динамизма. Этот переход происходит в человеке. Великое назначение человека — проявить то, что было сокрыто, перевести неодушевленную природу в стадию доступную пониманию. Мы как бы предаем наши жизни сокрытому в мире логосу, чтобы он мог высказаться. Это происходит вследствие того, что человеческий дух сроден динамизму логоса и проникается им. Назначение человеческого духа в научной области заключается в том, чтобы некоторым образом питать собственным естеством движение рождающее логос, в котором космос будет одновременно воспринят, превзойден и завершен.

II. НАУКА В ПЕРСПЕКТИВЕ СПАСЕНИЯ И ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ

1. Бдительность по отношению к науке

Наукой, стало быть, руководит основной динамизм. Это не динамизм природы или человеческого разума, а динамизм логоса. Разум человеческий обладает, конечно, свойственным ему динамизмом, принимающим разные формы, в зависимости от различных уровней умственной жизни.

В научных исследованиях динамизм человеческого разума подчиняется динамизму логоса, который в то же время, как бы обитает в нем и оживляет его.

Таким образом, мы имеем дело с опытом, который, для человека, есть вид само-завершения, но который прежде всего и по-существу есть завершение мира благодаря деятельности человека.

Что же нам следует думать об этом опыте, если включить его в перспективу христианской жизни, христианской веры?

В основе христианского духовного опыта есть тоже основной динамизм, не принадлежащий человеку, хотя и действующий в нем: это динамизм благодати, благодаря которому че-

ловеческая жизнь приобретает новую сущность — сущность жизни вечной.

Прежде всего, надо отдать себе отчет в совершенно ясном и радикальном различии между динамизмом благодати и динамизмом логоса.

Между ними существует, по выражению Паскаля, разница порядков, т. е. они принадлежат к разным сферам и различие между порядком благодати и порядком логоса бесконечно беспредельнее расстояния между порядком логоса и порядком физических веществ. Благодать — дар свыше (ср. Ин. 3:7: « Должно вам родиться свыше ») и поэтому ее можно назвать сверхприродным даром. С момента ее появления она производит решающее изменение и полагает начало совершенно иному виду существования. Конкретно говоря, это означает, что наука — сама по себе — не может внести никакого вклада в христианскую жизнь.

Продолжим наше размышление. Жизнь логоса, т. е. жизнь науки, имеет тоталитарный характер: глубокое стремление науки — создать цельную и замкнутую систему, в которой могла бы выявиться полнота постижимого.

Вероятно подобная система никогда не будет создана; возможно даже, что она внутренне противоречива. Но стремление к такой системе налицо, и это стремление может быть так сильно, что оно может овладеть человеческим умом и властвовать над ним в такой мере, что он станет совершенно недоступным каким-либо иным запросам.

Человек может найти в научном логосе свое собственное завершение и такое удовлетворение, что он окажется лишенным всякой восприимчивости по отношению ко всему, что не есть наука.

Таким образом научная жизнь может оказаться страшным препятствием для христианской жизни. И это не только в исключительных обстоятельствах, но во всякое время и для каждого, ибо здесь дело идет о возможности заложенной в самую природу науки, во всяком случае той науки, какую мы можем познать на опыте.

Исходя из этих соображений, легко понять почему христиане всегда относились с некоторым недоверием к науке, также как и ко всему, что исходит от логоса, в частности к политике и к философии.

В наше время повсюду — также и среди христиан — наблюдается большое увлечение наукой. А между тем, с христианской точки зрения, крайняя бдительность по отношению к нау-

ке необходима потому, что в ней содержится опасность самозамыкания. Опыт доказывает, что эта опасность вполне реальна.

2. Гармоничность научных исследований с домостроительством спасения.

Этим мы не хотим сказать, что наука теряет свое значение в области благодати, т. е. по отношению к созиданию Царства Божия. Дело в том, что благодать не просто накладывает отпечаток на человеческую жизнь, а — проникая в истоки ее бытия — охватывает человека всецело и воздействует на все свойства его природы.

Хотя наука, сама по себе, не может ни в какой мере способствовать развитию христианской жизни, и может даже служить иногда ей препятствием, как только благодать начинает воздействовать на человека — наука может быть включена в новую область, по отношению к которой она не просто нейтральна, но в которой она может получить положительное значение.

Говоря конкретно — все становится во Христе живым началом царства благодати. Все, т. е. мир, человек, его судьба и его дела. Чтобы определить место науки в перспективе спасения, надо перейти за пределы психологических толкований, как в области науки, так и в области спасения. Наука есть созидание логоса мира в человеке и человеком; а спасение — хотя оно касается каждого человека в отдельности — есть осуществление домостроительства Божия, охватывающего всю вселенную. Царствие Божие — не сумма индивидуальных спасений, а особая действительность, носящая характер органической совокупности. Личное спасение должно восприниматься в соответствии с этой совокупностью; оно — включение личности в полноту этой реальности.

Царствие Божие сравнивается с растущим деревом и также с городом; оно — небесный Иерусалим. Когда развитие космоса будет завершено и он преобразится в Царствии Божием, будет явлено — новое небо и новая земля. Стало быть, следует настаивать на космическом значении спасения.

Разумеется, человек занимает центральное место в христианском мировоззрении, но он солидарен с космосом и включает, в некотором смысле, судьбу вселенной в свою собственную судьбу. В известном смысле, задание человека заключается в открывении сокрытого в мире логоса. Выполняя это задание, человек ведет мир к его завершению. Но, это завершение — в плане нашего спасения — не может быть только явлением логоса, сиянием сотворенного света, прославлением мудрости

сокрытой во вселенной. Оно осуществится в преобразении, в котором Слава Господня явится видимо (а не только гадательно) в Его творениях.

В перспективе этого преобразования созидание логоса есть только как бы подготовительный этап: оно, так сказать, приготовление материи к преобразению, выявление некой потенциальности материи принять преобразующее действие спасения.

Как мы сказали, пропасть отделяет область логоса от Царства спасения. Логос может замкнуться в самом себе, хотя и верно, что по своему подлинному назначению он направлен ко спасению; но всё же не может быть для него и речи о том, чтобы вызвать или осуществить это спасение.

Хотя логос остается пассивным по отношению к спасению, он содержит в себе нечто, позволяющее ему быть включенным в икономию спасения: динамизм действующий в мире, являющийся развитием природных возможностей онтологического характера содержит в себе также возможность быть воспринятым в трансцендентный динамизм благодати, открывающий искупительные силы, явленные во Христе. Можно сказать, что логос необходим в деле спасения в том смысле, что спасение не просто заменяет то, что принадлежит естеству, но, наоборот, предполагает развитие естества и опирается на динамизм, содержащийся в нем.

3. Назначение человека.

Спасение — трансцендентно. Его действие в человеческой жизни может проявиться только благодаря посредничеству. Посредничество предполагает посредника: им является Христос, все восприявший в Своем воплощении и в Себе всё преобразивший. В той мере, в какой верующий принимает участие — верою — в деле Христа, он в свою очередь становится посредником.

Стало быть, можно говорить о двойном посредничестве человека по отношению к космосу: он — прямой посредник, так как в нем проявляется логос мира и потенциальные силы, заложенные в мире, превращаются в реальность, и в то же время он — косвенный посредник, в силу своего участия в жизни Христа, в плане благодатной жизни, в том смысле — что он способствует, в той мере, в которой он сам освящается, приближению мира к обетованному ему преобразению.

Из этого следует, что с одной стороны — он, просто как человек, существо, в котором проявляется логос, и что — с другой стороны — он, как христианин, посредник через которого

благодать как бы прикасается к миру (рассматриваемому одновременно как космос и как логос).

Итак, у человека двойная миссия: одна в естественном плане, другая в области благодати. Но эти миссии включаются одна в другую, ибо их осуществление происходит в тесной связи одно с другим.

Естественный динамизм мира (открытие имманентного логоса обитающего в нем) должен пониматься в перспективе его сверхъестественного назначения — преобразования через единение со Христом, которое дает ему его конечный смысл. Действие благодати сопровождает, можно сказать, развитие естественных возможностей; по мере того как эти последние осуществляются, преобразовательное действие благодати овладевает ими и превращает их как бы в жатву вечности.

Судьба мира солидарна с судьбой человека и осуществляется только через него. Когда человек занимается научной деятельностью, он ведет мир к естественному завершению в котором мир нуждается, чтобы могло овладеть им преобразующее действие благодати.

Стало быть человек играет реальную, активную роль в деле осуществления Божиих предначертаний о мире, не только в естественной порядке, но и в деле спасения; и то, что он призван созидать в естественном порядке, имеет значение для дела спасения; не в том смысле, что естественная деятельность могла бы оказаться продуктивной для спасения, но в том — что спасение обращено к миру еще пребывающему в периоде самообразования, что полное осуществление спасения предполагает завершение мира в естественном порядке и что именно человеку надлежит это завершение осуществить.

Однако, это назначение человека по отношению к миру (что есть также и миссия человека по отношению к самому себе, т. к. он является частью мира и мир солидарен с ним) не должна быть восприимчива в индивидуальном порядке. Здесь дело идет о миссии коллективной, принадлежащей человечеству, как таковому. Неверующий осуществляет ее в естественном плане, даже если он не знает ее подлинного смысла или не оценивает того, что выполняет. Здесь имеет значение завершение дела, а не внутреннее состояние того, кто его совершает. Для того же, чтобы дело могло быть предоставлено благодати спасения, надо, конечно, чтобы спасение было явлено среди людей; а это может быть только поскольку люди принимают призыв Христа, в котором спасение изначально пребывает.

Разумеется, желательно, чтобы все ученые были христианами, ибо будучи прежде всего людьми — они призваны, как таковые, к спасению во Христе; да и как ученые, они призваны

к тому же. Но назначение науки будет достигнуто даже, если все ученые не станут христианами, потому что здесь дело в объективном предназначении, стоящем выше индивидуального. Кстати, здесь надо принять во внимание солидарность существующую между людьми как в естественном порядке, так и в сверхъестественном — во Христе. Как раз в силу этой двойной солидарности святость одних оказывает влияние на других, и сами эти действия воспринимаются — хотя бы невидимым образом — теми, кто живет благодатью.

Призвания различны — в Царстве Божьем не все имеют то же задание. Можно признать, что наука имеет определенное значение для осуществления Царствия Божия, хотя не следует заключать из этого, что все христиане должны заниматься наукой.

Можно даже сказать, что те, кто занимается наукой, могут преуспевать только в том случае, если другие отдаются (тем временем) непосредственно заботе о спасении, молитве и делам милосердия.

Признав это, надо однако подчеркнуть, что желательно (можно даже рискнуть сказать, что необходимо) чтобы некоторые христиане посвящали себя делу науки, не только ради самой науки или из апологетических целей, но принимая во внимание значение науки в деле спасения.

В них произойдет, в преимущественном порядке, двойное движение — включение жизни логоса в жизнь благодати и проникновение благодатной жизни в жизнь логоса — и подготовится преобразование мира. У них есть, следовательно, особая роль не только в плане (проявления) естественного динамизма человека и вселенной, но и в сверхъестественном плане, в общей икономии (плане) спасения. Это означает, что у них особая миссия в Церкви и что они способствуют выявлению ее истинного лика и ее вселенскости. И вот почему сама Церковь подтверждает значение науки, одобряет научные призвания среди христиан и заботится о восприятии в жизни Церкви плодов науки и самой научной работы.

Мы может быть достигли того момента истории, когда наука начинает действительно становиться самостоятельной ценностью и когда, соответственно, ее значение по отношению к делу спасения начинает быть нам очевидным. Если это действительно так, то это должно будет проявиться конкретным образом в жизни Церкви, т. е. в жизни христианских ученых. И мы вероятно увидим новые формы святости, связанные с научной жизнью. То, что происходит вокруг нас в нынешнее время позволяет нам это предположить.

III. ОСОБАЯ РОЛЬ БЛАГОДАТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАУКЕ

1. Избавление от зла.

Следует уточнить еще в чем состоит особая роль благодати по отношению к науке и каково её конкретное действие. В том что касается науки, можно только дать общие указания; они применимы также к любой человеческой деятельности.

Особая роль благодати в том, что она очищает, возвышает и преображает. Очищает, потому что реальность, на которую она действует, подвержена греху. Грех порождается человеком и обитает в нем. Посредством человека, он заражает также мир и судьбу мира; он вводит (в мир) глубокую дисгармонию приносящую вред всему существующему.

Этот основной беспорядок касается, главным образом, соотношений мира с Богом и — как следствие — взаимоотношений в самом мире.

Можно, до некоторой степени, наблюдать в области науки, как в ней проявляется присутствие греха.

Вследствие своего рода глубокого парадокса — динамизм, назначение которого подготовить мир к преображению, стремится заключить его в самом себе, в некоем искусственном апофеозе, в богохульной карикатуре осуществления Царства Божия. Стало быть что-то извратилось в самом корне этого динамизма и поэтому он неспособен, собственной силою, избежать последствий своего внутреннего расстройтва. Только внешнее вмешательство, достаточно мощное, чтобы проникнуть до самого корня беспорядка, сможет спасти положение. Для ученого, работающего над развитием логоса, есть большая опасность замкнуться в самом себе. Эта опасность выражается искушением «гибриса» — как говорили греки — т. е. гордыни, построенной на отсутствии чувства меры. Существует «гибрис» науки, точно также как и «гибрис» философии и политики.

Этот «гибрис» есть в сущности покоряющая власть логоса, направленная к отчужденности от мира и претензии на самодостаточность. Научный «гибрис» проявляется самым внешним и видимым образом в отказе принять иные формы или знания, чем те которые признаны наукой: это дух позитивизма, в проявленной или скрытой форме.

Более тайным и коварным образом — «гибрис» проявляется в самом научном методе, который основан на объективизации и следовательно вызывает как бы восстание в самих недрах естества; он утверждается как дерзостный империализм по отношению к действительности, взятой в своей совокупности.

У человека проявляется стремление стать мерилom всего в науке. Иногда он даже не отдает себе в этом отчета: ему кажется, что он относится объективно к реальному положению вещей.

Впрочем « гйбрис » науки есть только один из видов проявления основного стремления, которое можно назвать — волей властвовать, при условии, что под этим подразумевается не психологическое состояние (оно играет только второстепенную роль), а расположение духа превращающее всю жизнь человека в восстание против жизни в ее совокупности, как безусловное самоутверждение и — в конечном смысле — как обожествление человека.

Из этого следует, что не легко заниматься научной деятельностью и не испытывать ее чарующей силы. Было бы ложно думать, что наука — сама по себе — безразлична и что только мы придаем ей извне тот или иной смысл, согласно нашим намерениям. В самой сердцевине науки заключена чарующая сила, манящая и соблазняющая нас; чаще всего мы не отдаем себе в этом отчета, во всяком случае в начале. По отношению к этому отрицательному элементу науки (с блеском проявляющемуся во многих современных технических достижениях) благодать есть, прежде всего, освобождение.

Выправляя основной динамизм логоса, возвращая этот динамизм его первоначальному назначению — приготовить мир к преображению, благодать, в то же время, спасает человека от научного « гйбриса » и делает его способным применять научный метод, не поддаваясь его агрессивной тенденции.

Не сама наука опасна, а зло обитающее в ней. Возможно пользоваться наукой не заражаясь этим злом; но, для этого, необходима всемогущая помощь благодати. И эта помощь необходима ежеминутно, потому что искушение манит нас постоянно. Следует обладать, как бы не обладая; но это превосходит силы человека предоставленного самому себе.

2. Повышение уровня научного мышления.

Духовное очищение есть только одна из сторон сверхъестественного действия благодати. Освобождая науку от уз духа зла, благодать в то же время возвращает динамизму науки силу, свежесть, начальный импульс, которые были частично как-бы парализованы злом.

Найди снова свое истинное назначение, наука вновь обретает чистоту своего естества и — в некотором смысле — верность самой себе, что делает её способной выполнить точнее и плодотворнее свое назначение.

Уровень научного мышления повышается, продолжая оставаться в свойственном ему порядке, хотя невозможно конкретно распознать, как это проявляется.

Несомненно — нет специфически христианской науки, научный метод должен быть подвержен экспериментальной проверке и самокритике, он зависит от свойственных ему требований, в которых вмешательство благодати ничего не может изменить. Но есть много способов применять научный метод, много подходов к исследованию, много возможностей в выборе, в формулировке и в разрешении задач. Научный исследователь, очистившись духовно, будет предаваться той же научной деятельности, но она будет более целостно, более глубоко научной, более верной своему назначению.

3. Преображение.

Благодать есть в то же время преобразование. Здесь мы уже не находимся в области самой науки, но в области присущей благодати, в стенах Града Господня. Преображение — не отрицание, не замена одного порядка другим, а восприятие одной действительности другою; в нем содержится, и продолжение и пресечение воспринятого порядка. Продолжение в том смысле, что преобразенная действительность не разрушена преобразованием, а сохранена в своей сущности. Пресечение — в том смысле, что это действие не включено в развитие возможностей специфически принадлежащих данной действительности, а исходит — наоборот — от трансцендентной инициативы другого порядка. Это преобразование и есть дело спасения, в том смысле, что человек и вселенная восприняты в гармонии их сущностей. Дело спасения уже завершилось, потому что оно осуществилось в тайне смерти и воскресения Христа Спасителя. Но, в то же время, оно еще завершается в жизни Церкви, продолжающей жизнь Христа, несущей до пределов земли и истории присутствие Христа Спасителя и подготовляющей окончательное пришествие Его Царствия. Следовательно, спасение уже среди нас, но оно еще не полностью проявлено; оно совершается — Царствие Божие создается, небесный Иерусалим строится. Отныне мы уже не в периоде обетований, ибо Христос уже пришел, но мы еще в периоде ожидания. Преобразование человека и его дел, человека и мира, уже совершается, но в сумраке и в тайне. Закон времени продолжает быть действительным, но уже таинственно сменяется законом вечности. Все, что мы творим, находится в этой переходной стадии, уже озаренной славой Воскресения, но еще устремленной к будущему — в ожидании полного проявления спасения, т. е. второго

пришествия Сына Человеческого. То же можно сказать и о науке, о судьбе логоса. Разумная человеческая речь уже таинственно преображена, включена в вечное движение творческого Слова, т. е. в процессе мышления человеческая мысль как бы открывает в сотворенном мире эхо творческого Слова. Но, с другой стороны, она ожидает еще окончательного видоизменения, которое должно в конце веков раскрыть ее конечный смысл, выявить в молниеносном явлении (Сына Божия) скрытое значение мира и его логоса. Она ждет и суда, который должен, так сказать, сопоставить сотворенный логос нетварному Логосу, ввести ограниченное слово в Слово бесконечное, преобразить ограниченную человеческую истину, так чтобы в ней проявилась мощь вечной истины.

Мы не можем знать каким будет преображенный мир и чем будут деяния человеческие в грядущей жизни. Однако мы знаем, что этот мир и дела его должны будут пройти чрез испытание суда, что все, что от Бога, к Нему вернется, а все, что от зла будет отделено от Него навеки. Мы знаем также, что этот суд будет одновременно откровением нового мира, мира Царствия Божия, в котором наш мир и наши дела явятся в преображенном виде. Мы не в силах представить себе это состояние, но мы способны его предвосхитить; оно-то и определяет уже теперь конечное значение этого мира и человеческих достижений.

Это состояние — объект не познания, а надежды и, в конечном счете, именно в этой надежде все находит уже теперь свой смысл и научная деятельность находит в ней свое назначение — весьма смиренное, но однако реальное.

Спасение грядет: оно в жизни Церкви, в жизни каждого христианина и христианских общин в мире. Оно касается деяний человека и в частности всех наук в их совокупности. Христианские ученые должны по всей вероятности играть здесь привилегированную роль, поскольку они являются идеальным средоточием для встречи спасения и науки. В этом значение научных христианских общин в жизни мира и в жизни Церкви. Христианские ученые осуществляют свое личное призвание будучи просто христианами, как можно более верными и мужественными — и будучи в то же время — учеными, насколько возможно требовательными, учитывающими особые императивы науки.

В последней части мы укажем на роль, которую должны играть в подобной жизни, как и в христианской жизни вообще, добродетели и таинства.

IV. РОЛЬ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И ТАИНСТВ

1. Роль добродетелей

Добродетели являются как бы самым дыханием христианской жизни, излучением в ежедневных действиях и в душевном состоянии благодати Бога обитающего в душе. Эти добродетели, в особенности — вера, надежда и любовь, знаменуют Божественную жизнь в душе и непосредственно приобщают христианина жизни во Христе. Они не исходят от человека — они дары Божии. Известную аналогию этих добродетелей можно найти в науке. Наука — создание логоса и, как таковая, она открывает нам истину; она ставит себе целью «теорию» — полное выявление того, что есть, что видимо, нахождение умственной нити объясняющей космос.

Нельзя не видеть в этом стремлении к истине аналогии с верой, благодаря которой мы познаем конечную истину мира, проникая в тайны Божества и творческого Слово, которое было у Бога прежде чем что-либо начало быть.

Наука прислушивается к логосу мира и покорно принимает его, а этот логос — печать Христа, царя вселенной. Вера же прислушивается к Божественному Логосу, Учителю и Спасителю и исполняет Его заповеди.

Наука непрестанно развивается; она ожидает завершения и ставит себе целью откровение логоса, т. е. полное проявление истины заключенной в мире; это стремление к еще не открытой истине мира дает смысл усилиям ученых. Но цель эта недостижима — логос не дается иначе как в своем становлении и только при условии, что человек всецело подчиняется закону этого становления, он может продвигаться на пути открытия научной истины.

Нельзя ли видеть в этом стремлении к полному проявлению логоса образ христианской надежды, направленной к полному явлению спасения.

Наука — это поле, где все время строят и разрушают. Она — кладбище гипотез. Но ученые не падают духом, а продолжают подчиняться творческому динамизму логоса. Это — подобие духовной жизни, где мы видим как бы сквозь тусклое стекло, в ожидании Фаворского света, которым озарит нас Христос, Свет мира.

Наконец, наука созидается только благодаря постоянному общению между учеными и она объединяет их одновременно в обладании того, что уже постигнуто и в устремлении к еще не постигнутой истине. Таким образом она создает как бы общину ученых, имеющую полное основание стать действительно всемирным обществом.

Наука, как творчество, немислима в индивидуальном масштабе; она может существовать только при содействии многих — и на основании умственного содействия всех. И снова, не естественно ли видеть в этом объединении умов, создающемся силой истины, образ объединения душ достигаемого силой любви? Связь умов в логосе — образ связи душ в любви, т. е. со Христом в Боге.

Но наука является также полем действия всех добродетелей сопутствующих жизни христианина. Разумеется, некоторые естественные добродетели необходимы для научной работы, как например — мудрость, осторожность, терпение, постоянство, мужество, прямота и т. д. В христианской жизни все эти добродетели возносятся любовью в высшую сферу и приобретают новое значение.

Но существуют также чисто христианские добродетели, находящие применение в области научной, как и в любой иной деятельности. Это — все добродетели, благодаря которым наука становится благоговейным изысканием, а отнюдь не проявлением воли властвовать. Не мы творим науку — она творится в нас, когда мы забываем самих себя и прислушиваемся к зову истины. Научная деятельность возможна только при искреннем и смиренном отношении к истине проявляющейся в нас. Она символизирует — необходимое для принятия спасения — полное смирение сердце. Не только тогда, когда мы находимся у порога спасения и принимаем его, не поняв еще всего, но и потом, когда принимая дары Божии мы сохраняем расположение сердца, бывшее у евангельского мытаря и сотника, сознававших, что все даруется Богом и говоривших ему: «Боже, будь милостив мне грешному» или «Господи, я недостоин, чтобы Ты вошел под мой кров». Ученому должно быть свойственно это смирение, эта ницета духа (см. Мф. 5. 3), внутренний мир (залог гармонии между людьми, а также между человечеством и вселенной), кротость, чистота воображения, невинность разума и т. д. Чтобы быть в гармонии с истинным назначением науки, надо обладать открытым разумом и восприимчивым сердцем, полным покорности требованиям истины и способности восхищаться.

Чтоб быть восприимчивым к действию благодати, надо также иметь глубокую внутреннюю чуткость, насколько возможно — совершенную покорность внушениям Св. Духа, одним словом, находиться в молитвенном состоянии.

Итак, подлинная научная работа представляет собой своего рода символ христианской истины. Расположение духа — служить истине, необходимое для научных исследований, являет образ расположения духа требуемого христианской

жизнью и, в некотором смысле, одно подготавливает другое. Но, в особенности, молитвенное состояние души отражается на научной работе и открывает ей ее подлинное назначение: она дает возможность науке быть служением и хвалой; она превращает научное исследование в молитву.

2. Роль Таинств.

Христианская жизнь должна находить свою пищу в таинствах и христианская молитва должна быть молитвой со Христом; она становится таковой в таинствах, особенно в таинстве Тела Христова.

Ученый-христианин найдет в принятии таинств, главным образом в принятии таинства Тела и Крови Христовых — вместе с развитием своей христианской жизни — освящение своей научной жизни, в человеческой и христианской перспективе.

В плане спасения, все — для Христа, а Христос для Бога — как об этом учит апостол Павел. Все — для Христа, т. е. все завершается во Христе, все взято Христом на Себя и все преображено в Нем. Он — Слово Божие, Он — Тот, через Которого все было сотворено. Он несотворенный Свет, в котором все сотворенное черпает свой смысл, в котором сотворенный логос черпает свою силу. Как Спаситель и Искупитель, Он — Основа жизни благодати, в Ком все обожествляется.

Христос — одновременно Основа и естественного и благодатного порядка; и в Нем происходит их сочетание. Если специфическое назначение науки завершить мир, ведя его к присущей ему истине, к логосу, дабы он мог стать телом Града Божия в преображении конца времен, то это потому, что Христос все взял на Себя в Своей Богочеловеческой жизни.

И христианин становится носителем двойной судьбы мира — естественной и сверхъестественной. Он становится местом сочетания логоса и спасения, логоса предназначенного для спасения, поскольку он принадлежит Христу. Христианин несет спасение миру, поскольку он воспроизводит в своей жизни тайну Христа. Ученый-христианин поскольку он является членом Христа вводит спасение в науку, развитию которой он способствует вместе с другими учеными, даже не признавшими Христа и включает действенность спасения в жизнь логоса.

Мы действительно приобщаемся к тайне Христовой в таинствах и — превьще всего — в Евхаристии. Стало быть, главным образом принимая таинства, ученый-христианин осуществляет свое особое призвание, ведет науку к её подлинному наз-

начению и распространяет Царство спасения на всю область научного логоса.

Все было завершено Воскресением Христовым. И все будет завершено окончательно в Его втором пришествии. А в промежуточном периоде, в котором мы находимся, Литургия в главных чертах, воспроизводит все, потому что она тайна, в которой Христос присутствует среди нас — одновременно воспоминание о Его Страстях и залог будущей славы. В Божественной Литургии наука находит свое христианскую, т. е. подлинную целеустремленность. Включение науки в христианскую жизнь происходит в молитве, а молитва, прежде всего — приобщение к тайне Христа на Божественной Литургии.

Божественная Литургия — центр мира. Логос — истина мира, а она — истина логоса. В ней все совершено и все спасено. Чрез неё смиренный труд научного исследователя становится хвалой, благодарением, ликованием души и семенем вечности. Слово логоса, воспринятое в молитвенном делании становится призывом надежды: « Да придет Царствие Твое ».